

6.

Инстинктом самосохранения вероятно можно отчасти объяснить убийство Полония и, в любом случае – отправление на гибель Розенкранца и Гильденстерна.

Другой заботой шекспировского героя становится уберечь Офелию от неведомых, но неотвратимых и опасных событий, из которых ему уже не выбраться. В новом своём и, к несчастью, неизбежном качестве объекта тёмных и грозных сил он никак не имеет права связывать судьбу возлюбленной со своей.

Но посмотрите, как сложно, в два приёма обставлен им разрыв с Офелией. Прощается он с ней по-настоящему – безмолвно, исполняя некую скорбную пантомиму. Мы узнаем об этом из рассказа самой Офелии. Но и затем, при подстроеном свидании, ни она, ни мы так и не поймём, чего же он на самом деле от неё хочет, и не узнаем причин, которыми его отказ вызван. Ясно только, что связь отныне разорвана.

Ещё одно сознательное действие – попытаться спасти мать, пробудив в ней раскаяние. А ведь есть ещё и устройство представления актёров для разоблачения короля. Так что работы у него – по горло.

И всё это примеры того, как даже самые незначительные и невинные поступки становятся причиной катастроф. Во время свидания с матерью убит Полоний. Убийство Полония приводит к высылке Гамлета в Англию (навстречу гибели) и смерти Розенкранца и Гильденстерна. Разрыв с Офелией и убийство Гамлетом её отца приводят девушку к сумасшествию и гибели.

Таково высокое, убийственное напряжение трагических сил. Трудно вообразить, сколько ясности и мужества требуется человеку, чтобы ориентироваться в этом поле. Гамлету удаётся, хотя и не без потерь – и в этом ещё одно прозрение Шекспира, оставляющего своему герою вполне человеческие свойства. А трагедия тем временем на свой лад проявляет человеческие ошибки. В спокойной ситуации, случайно увидев молящегося Клавдия, принц удерживает себя от поспешного убийства. В другой раз, в горячий момент откровенного разговора с матерью, он, не задумываясь убивает подслушивающего, полагая, что это король. Но оказывается, что у трагедии – свои интересы, и убитым становится Полоний. Так Гамлет на практике постигает, сколь слепы человеческие усилия в пределах трагической коллизии.

А ещё – движущий им инстинкт настолько нов и необычен, настолько противоречит и привычным собственным правилам поведения, и вполне естественному поведению окружающих, что поневоле время от времени им овладевают сомнения: да так ли уж верно он понимает происходящее?

Просветление пришло к нему в неблагоприятный момент. Праведнику, оказавшемуся вовлечённым в кровавый конфликт, из которого он не имеет права высвободиться, не так легко поддерживать ясность сознания. То есть, ему приходится справляться ещё и с собственным человеческим естеством. Этим объясняются все его монологи, в которых он упрекает себя за бездействие, на самом деле может быть вновь и вновь с разных сторон проверяя подлинность своего первого откровения, необходимость уклоняться от произвольных порывов.

Это свидетельствует лишь о человеческом правдоподобии этого характера, о том, что он не сверхчеловек. И тем не менее, он находит в себе силы дождаться, чтобы трагедия сама себя разрешила.

Мы никогда не знаем, чьи и какие слова или поступки, когда и в какой мере станут существенными в череде слов и действий, которые определяют развитие событий. Посему лучше было бы говорить и поступать осмысленно, осознанно. Но для этого необходимо полное присутствие в каждом мгновении, свободное от навязанных рассудком привычных реакций. Это состояние покойного внимания, ровной и постоянной готовности Гамлет описывает довольно просто: «Готовность – это всё». Но для Шекспира эта фраза обладает особым весом и значением. Он использует её дважды, в разных пьесах и в прямо противоположных ситуациях.

Перед поединком с Лаэртом Гамлет признаётся Горацио в дурных предчувствиях, и на предложение друга отменить схватку отвечает среди прочего как раз этой фразой: «Readiness is all», которая в данном случае означает и готовность к гибели.

В «Короле Лире» Эгмонт убеждает этими же словами Глостера, отказывающегося бежать от неотвратимой гибели: «Ripeness is all». И в этой ситуации они звучат призывом не поддаваться отчаянию и не смиряться с неизбежным.

Важен и лексический оттенок в обеих фразах: в первом случае автор использует производное от прилагательного «ready» – готовый, собранный, бдительный; во втором – от прилагательного «ripe» – готовый, созревший, доведённый до высшей степени полноты. При этом «readiness», активная готовность, предполагающая некие действия, оказывается более подходящей в положении подчинённости обстоятельствам, своеобразной резиньции; тогда как пассивная «зрелость» (ripeness) нужна для активного действия. А в целом понятие «готовности» включает в себя и обретение зрелости, мудрости, и открытость обстоятельствам, включая необходимые действия внутри них.

В противостоянии с силами мироздания Гамлет одерживает немислимую победу. Ценой собственной жизни – таковы, увы, ставки в трагедии, а поскольку мир пока несовершенен, оказаться в поле её тяготения мы можем помимо нашей воли и желания. В цепи событий убийство им Клавдия не является мстью или воздаянием за убийство отца. Это немедленная и никакими иными обстоятельствами не осложнённая реакция на отравление матери и на собственную гибель, обеспеченные тем же Клавдием.

Поле, однако, расчищено окончательно и коллизия исчерпана.

Особенность трагедии «Гамлет» и её отличие от всех других в том, что трагическая коллизия изживает себя полностью. Из участников истории не остаётся в живых никого. Трагически искривлённое пространство полностью очищается и расправляется. Время восстанавливается, возвращается к новой точке отсчёта. Если Дании под царствованием Фортинбраса суждено когда-нибудь вновь попасть в сети трагического конфликта – это будет означать, что некто вновь совершил запретное, нарушил предвечный закон. И это будет совсем новая история, никак не связанная с династией Гамлетов.

А заслуга в том, что всё вновь пошло на лад, целиком принадлежит герою этой истории, который, испытывая всю силу давления трагической ситуации, не предпринимает никаких самостоятельных действий, чтобы разрешить её на человеческом уровне – и таким образом создать причины для нового трагического сцепления. Во всяком случае, настолько,

насколько обстоятельства позволяют, он уклоняется от подобных действий, чем и заслужил от нас поверхностное и глубоко несправедливое обвинение в бездействии.

В этом контексте как будто становится понятнее и труднодостижимое, пока стоит в одиночестве, «непротивление злу насилуем».

Боюсь, что вы уже догадались, куда я вас завлекаю, и что вам не очень охота туда двигаться. Но у меня нет выхода, я должен объясниться до конца.

Есть у меня надежда, что вы успели немножко освоиться с этой необременительной привычкой, включили её в своё расписание, и она некоторым образом даже упорядочивает ваше существование.

Отметим две радикальные вехи в истории человечества, мечущегося между вопросами «Зачем?» и «Почему?». Решительный и бесповоротный отказ принимать сей вещный мир, как высшую ценность, столь выразительно прозвучавший у Екклесиаста; и выдающееся событие, положившее основания для возникновения религии религий и нового летоисчисления – приход в мир Сына Божия.

Мы останемся в пределах идей, связанных с художественным творчеством, и оставим в покое этот другой способ взгляда на мир. Но я думаю, вы обратили внимание, что бравые попытки освоить этот второй, полный глубокого смысла и динамики сюжет художественными средствами ничего к нему не прибавляют и чаще всего спускают его в низшую область увлекательного. Основой для художественной формы могут успешно служить отдельные эпизоды Евангелия, но именно как самостоятельные фрагменты удивительной истории, сопоставимые по масштабу со многими другими библейскими сюжетами: побег в Египет, крещение у Иоанна Предтечи, судьба Марии Магдалины, в конце концов – казнь праведника. В живописи это особенно заметно. Однако, сам христианский рассказ о Благой вести, пришествии Сына Божия, Его Распятии и Воскресении – не поддаётся осмыслению методами художественного творчества.

И не должен. Он относится к религии – другому инструменту постижения мироздания существующему наравне с мифом, искусством, философией и наукой. Но в самом исходном событии христианства, которое впоследствии овладело почти всем миром, есть сторона, которая, независимо от его религиозного значения, имеет непосредственное отношение к предмету нашей беседы.

Христианское толкование по древней традиции утверждает так называемый Первородный грех, помещает его в начало времён и наследственную вину за него возлагает на весь род людской. Явившийся в мир Сын Божий (в отдельной интерпретации – посланный в мир самим Отцом), добровольно берет этот общечеловеческий грех на себя и мученической смертью своей его искупает.

Не станем вникать в довольно запутанные и противоречивые догматы христианской церкви. Достаточно сказать, что у самой церкви долго не было во всех этих вопросах единого мнения, как нет его и до сей поры. В 1156 или 1157 году – то есть, свыше тысячи лет после Распятия – Константинопольский собор всё ещё решал вопрос, кому была принесена Жертва Христова, хотя само понятие жертвы уже занимало прочное место в доктрине. Решение же, что жертва принесена всей Святой Троице, вряд ли прояснило ситуацию для живых верующих. Однако, как я уже заметил – это внутренние проблемы религии, для которых необходимы иные способы размышлений.

Если же оставить в стороне эти, мистические по существу предметы, мы остаёмся наедине с историческим событием – казнью безвинного и праведного человека, называвшего себя Сыном Божиим, осуществлённая другими Божьими детьми. Жизненный образ Христа, и его учение, то есть то, что составляет самый драгоценный смысл Благовествования, принесли человечеству веру в свои силы и новое откровение о смысле мироздания и месте человека в нём. И, судя по тому, что этот человек произвёл ни с чем не сравнимое впечатление на современников и сумел заложить основы религии религий, событие это заслуживает особого внимания по сравнению с иными многочисленными случаями казни пророков и праведников.

Кажется, именно здесь был совершён человечеством грех, преступление – не мифическое райское, а буквальное историческое, дерзко нарушившее предвечный закон и разорвавшее связь времён.

Но тогда мы вступаем в знакомые нам пределы и условия трагедии, о которых вполне способны ответственно рассуждать.

Что мы и попытаемся завтра осуществить.